

Т И Н А М А К Е Р Е Т И

ВООБРАЖАЕМЫЕ ЖИЗНИ
Джеймса Понке

INSPIRIA

Москва

2022

УДК 821.111-31(931)
ББК 84(8Н03)-44
М15

Tina Makereti

THE IMAGINARY LIVES OF JAMES PONEKE

Copyright © Tina Makereti 2018

Перевод с английского *Марины Нуянзиной*

Художественное оформление *Константина Гусарева*

Макерети, Тина.

М15 Воображаемые жизни Джеймса Понеке / Тина Макерети ; [перевод с английского М. Нуянзиной]. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-119362-1

Джеймс Понеке — юный сирота маори. Всю свою жизнь он мечтал путешествовать, и, когда английский художник, по долгу службы оказавшийся в Новой Зеландии, приглашает его в Лондон, Джеймс спешит принять предложение.

Теперь он — часть шоу, живой экспонат. Проводит свои дни, наряженный в национальную одежду, и каждый за плату может поглазеть на него. А ночами перед Джеймсом распахивает свои двери викторианский Лондон, со всеми его секретами, опасностями и чудесами.

Но может ли экспонат жить в свободном обществе и так ли добры люди, скрывающиеся за фасадом дружелюбия?

УДК 821.111-31(931)
ББК 84(8Н03)-44

© Нуянзина М., перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-119362-1

Посвящается Лорри

«Он так хорошо говорит по-английски, что поначалу мы приняли его за английского мальчика, наряженного в костюм дикаря, самозванца с маскарада. Однако мы ошибались. Он читает и пишет по-английски так же хорошо, как любой его сверстник, и ему особенно нравится шутить. По правде говоря, нам встречалось много мальчиков-англичан, которые были намного глупее и невежественнее этого представителя жителей Новой Зеландии».

– *«Дейли ньюс», Лондон,
6 апреля 1846 года*

«Однако, возможно, быть зрелищем во все не плохо. Возможно, это то, чем тебе нужно довольствоваться, когда единственная твоя защита — это занятный рассказ. Возможно, зрелище — это рассказ о выживании».

– *«Правда о рассказах», Томас Кинг*

Слушай, чудо грядущего. Ты, мой потомок, далекая перспектива. Знаю, ты погружен в собственные заботы, но выслушай меня. За свою короткую жизнь я видел столько чудес, вещей, которых и вообразить не мог, и вынес столько же боли. Здесь, в этом месте и в это время, я представляю собой только то, что могу создать, что могу представить. Почему бы мне не оставить тебе послание, а тебе не получить его? Знаю, ты пользуешься механизмами, недоступными моему воображению, потому что даже в мое время существуют механизмы, которых я когда-то и представить не мог. Поэтому подумай сейчас обо мне, как я о тебе думаю. Возможно, в тебе смешались все те народы, которые я повидал. Возможно, ты — нечто совершенно новое. Ты великолепен, я это чувствую. Мне ничто не запрещает думать, что на тебе одеяние, сотканное из крыльшек насекомых, и что ты питаешься энергией солнца. Ты — величайший плод моего воображения. Так слушай.

У меня есть для тебя рассказ. Когда ты будешь его читать, тебе покажется, что это рассказ обо мне, но чем дальше я пишу, тем больше думаю, что он вовсе

ТИНА МАКЕРЕТИ

не о моей жизни и даже не о моем времени. Мистер Антробус так часто рассказывал мне о прогрессе и эмансипации, и об эволюции человечества, но тоненький голосок у меня внутри сомневался, что вдруг прогресс — это иллюзия, подобная прочим великолепным иллюзиям Империи, которые я в равной степени полюбил и возненавидел? Что, если, в конце концов, единственное, что существует на самом деле, — это представление и цена за билет? Нет. Позволь проводить тебя за кулисы.

Прошу у тебя прощения. Меня одолевает усталость, я отвлекаюсь и пишу непонятности. Час поздний. Свеча догорает. Завтра я узнаю, что меня ждет — встреча с друзьями или корабль домой. Но сначала я должен рассказать тебе свою историю. Мое будущее, мой потомок, мой токорина¹. Слушай.

¹ Потомок, потомки (*маори*). (Здесь и далее прим. перев.)

Глава 1

Мне еще не исполнилось семнадцать лет, но мне уже приходит в голову, что я, похоже, умираю. Конечно же, они мне этого не говорят, но я могу прочесть это в многочисленных проявлениях их доброты и в том, как они переглядываются, стоит мне заговорить о будущем. Возможно, подтверждение тут излишне, потому что я уж точно не мог бы видеть по ночам все то, что вижу, если бы надо мной не висела тень смерти. Поэтому, когда они приходят ко мне и спрашивают о моей жизни, я рассказываю все. Что мне еще осталось? Тогда я не ощущаю вечности собственного тела. Я ощущаю только вечность мира.

Отсюда, из тени, мне виден кусок лондонского неба и бесчисленные крыши домов. Занавеска тонкая, и я попросил мисс Херринг отдернуть ее, потому что моя комната находится чересчур высоко, и в эти долгие часы небо — моя единственная компания. По ночам я вижу жука, медленно и упорно ползущего между трещинами. А потом я чувствую запах города: черный дым, вездесущая вонь мочи и пота, сладость вялящегося на крюках мяса и фруктов, горами наваленных на складах в ожидании утра, его медленное гниение. И мое собственное.

Улица ждет, жук ползет, ножка за ножкой, вниз по кирпичной кладке стены. Со своего места мне видно все: каждая трещинка в известковом растворе, угольная пыль на стене, город Лондон как на ладони — огни, мерцающие вдоль Темзы и переходящие в широкую панораму, прекраснее даже, чем виды Колизея¹. Мне бы хотелось сказать, что воздух здесь свеж, но увы, это смесь смрада, дыма и тумана, в которой тают нарядные огоньки. Но я люблю его, люблю этот мрачный и мерзкий город, пусть даже мое благоговение соседствует с ужасом. Это место, где живут мечты.

Иногда я слежу глазами за мотыльком, одолевающим воздушные волны подобно кораблю, ловящему течения, возникшие в незапамятные времена, — как его сбивает в сторону воздушный поток от проезжающего мимо кэба и горячее дыхание из ноздрей мерина. Луна здесь другая — не чистый и прозрачный ручей, а широкая заиленная река. И все же она дарит свет, чтобы я смог разглядеть проходящие мимо лица. И да, это причиняет мне боль, потому что каждое из этих лиц мне знакомо, и я не знаю, жив его обладатель или мертв. Я вижу всех дам и господ с улиц Лондона и тех, кто обретается в Порт-Николсоне². Хуже

¹ Выставочное здание в восточной части Риджентс-парка в Лондоне, было построено в 1827 году для экспозиции «Панорамного вида Лондона» Томаса Хорнора, самого большого полотна, когда-либо написанного рукой художника. Вдохновением для архитектора стал римский Пантеон. Было снесено в 1875 году.

² Естественная гавань у южной оконечности Северного острова Новой Зеландии. На ее западном берегу расположена столица Новой Зеландии, город Веллингтон, маорийское название которого, Понеке (Poneke), считается транслитерацией сокращенного «Порт-Ник» (Port-Nick). С 1984 года называется гаванью Веллингтона.

всего, когда я вижу татуированное лицо или слышу музыку играющего в саду оркестра, вижу крикливо одетые пары, танцующие по кругу, призрак зрелищ, наполняющих воздух иллюзиями: игры света, механические чудеса, восковые фигуры с чертами тех, кого я знал лишь в первые несколько лет своей жизни. До того как я оказался прикован к постели, я не мог вспомнить даже лицо своей матери, а теперь вижу ее каждую ночь, словно танцовщицу, оживленную музыкальной шкатулкой. А еще акробатов и своих друзей по карточному столу. Мужчин-воинов и женщин из мрачных воспоминаний своего детства, прежде чем я узнал о мире книг и кораблей. Своих товарищей-матросов, тех, кого я любил и кого страшился. Они не говорят ни слова, мои друзья, враги и возлюбленные, но я знаю, что они ждут, знаю, что улицы внизу заполнены ими, даже когда час становится совсем поздним и всем порядочным людям пора укладываться в постель.

Каждую ночь я словно прохожу сквозь все старые битвы, пока не доберусь до него, и хотя мне неизвестно, ходит ли он еще по твердой земле, я всегда его нахожу. Билли Нептун даже теперь широко улыбается и готов на шалости. Он единственный меня видит.

— Хеми, дружище, — кричит он, — возвращайся в постель! Зачем шляться среди уличных отбросов? И я не грязь под ногами имею в виду, заметь, а людей нашего сорта! — Он тут же заходится своим коротким, раскатистым хохотом, звук которого разбивается у меня в груди, словно яйцо, истекающее теплым желтком.

«Каково тебе там?» — каждую ночь спрашиваю я его, или: «Как ты поживаешь?» Но он не отвечает.

— Ах, Хеми, — говорит он. — Хорошо мы с тобой позабавились, а, мой добрый друг? Хорошо позабавились. — И продолжает свой путь, а я продолжаю свой, кружа в мирской суете.

Мне кажется, что в последние несколько ночей я забредал дальше обычного, и сегодня утром мисс Херринг отметила, что я выгляжу более утомленным, чем накануне, когда я казался ей более утомленным, чем позавчера.

— Вам все никак не лучше, мистер Понеке? Попросить мисс Ангус снова послать за доктором?

Доктор осматривал меня уже трижды, но хоть он и врачует мое тело, боюсь, у него нет лекарства от того, что меня сдает.

— Нет, все в порядке, спасибо, мисс Херринг. Разве что я, кажется, не сплю вовсе, а вместо этого ночь напролет странствую по миру своего воображения. Он кажется таким же настоящим, как то, что вы сейчас стоите передо мной.

Горничная покачала головой и улыбнулась, как всегда улыбается, когда я называю ее по имени, потому что я единственный, кто обращается к ней столь церемонно, и никто так и не смог найти способа исправить эту мою привычку.

— Мистер Понеке, полагаю, в своих странствиях вы добрались до самого края света. И у вас должно быть много воспоминаний о таких приключениях, о каких в обычной жизни и помыслить нельзя. — Напевая себе под нос, горничная направилась к камину, чтобы выгрести золу и заново разжечь огонь. Полагаю, мы с мисс Херринг пользуемся в общении друг

с другом необычной открытостью, каковой она точно не стала бы проявлять с обладателями статуса хозяев дома. Но я не хозяин, и мое положение в доме всегда было особым, и я чрезвычайно нуждаюсь в дружеском общении, проводя столько времени в одиночестве, лежа в постели.

— Я выхожу в ночную тьму, и меня окружают призраки.

При этом заявлении мисс Херринг резко вздохнула и принялась громко возмущаться, и вышла вон, едва завидев мисс Ангус с супом, который та приносит мне каждый день. Мисс Ангус справилась о моем здоровье, и я повторил то, что уже сказал горничной, опустив упоминание о призраках.

— Иной раз мне кажется, что, если бы я нашел способ рассказать свою историю, она перестала бы меня так преследовать. Как думаете, мисс Ангус?

— Ну такой способ скоротать время ничуть не хуже остальных. — Мисс Ангус с шитьем в руках села в кресло, которое поставила у окна как раз для этой цели. Она бесконечно терпелива со мной, бесконечно внимательна. Лежа в удобной комнате, легко говорить. Что я и сделал, рассказав, как три ночи назад начал покидать Лондон своей мечты. «Городские тени слишком меня утомили», — сказал я, думая о своих собственных призраках. Вместо того чтобы бродить, как обычно, я поспешил на пристань, поднялся на корабль и расхаживал среди матросов, пока те работали. Я не сказал ей, что на том корабле меня нашли все мои призраки, что я просто-напросто привел их с собой. Эти команды из моей прошлой жизни понесли меня через океаны, быстрее, чем до сих пор, пока мы снова не оказались на Барбадосе.